

Такая мягкая, как Цуй Ланьфан, и с кем-то умудрилась поспорить?

Значит, проблема точно не в ней. Лю Гуюй сразу так и решил. Он подошёл, взял у Цинь Банбань её бамбуковую корзину, переложил часть плодов в свою, прикинул вес и, убедившись, что ей не тяжело, вернул обратно.

Затем сказал:

— Значит, она совсем плохая! В следующий раз, если будет тебя обижать, скажи мне, я разберусь!

Цинь Банбань подняла голову, моргнула и серьёзно заметила:

— Но она младше тебя. Люди скажут, что ты обижаешь ребёнка.

В этом мире Лю Гуюю было восемнадцать, а в прошлой жизни он только окончил университет, даже старше. Но для него это не имело значения. Он самодовольно усмехнулся:

— А мне нравится обижать детей. Особенно когда они злятся, но ничего не могут сделать.

Он довольно улыбнулся, и хотя Цинь Банбань не знала слова «нахальный», ей почему-то показалось, что такой брат Лю выглядит даже забавно.

Девочка закинула корзину за спину, взяла его за руку и сказала мягко:

— Брат Лю, пойдём домой, я уже проголодалась.

Лю Гуюй тут же кивнул, быстро взвалил свою корзину, и они, держась за руки, осторожно перешли через ручей, ступая только по крупным камням, чтобы не намочить тканевые туфли. Затем по тропинке направились вниз с горы. Спустившись, они уже собирались выйти на дорогу, как вдруг впереди появился мужчина с хитрым, неприятным выражением лица. Он был довольно высокий, но худой до болезненности - сквозь тонкую одежду отчётливо проступали кости на груди.

Лю Гуюй: «...»

Он узнал этого человека. В деревне его звали Эр Гоцзы, бездельник и проходимец. У него были и земля, и поля, но он ленился: время от времени заходил посмотреть, почти не ухаживал за хозяйством, поэтому урожай у него всегда был вполовину меньше, чем у других. К тому же он любил азартные игры - частенько ездил в город бросать кости и возвращался только тогда, когда проигрывал все деньги.

Разумеется, вовсе не поэтому Лю Гую запомнил этого человека. Он запомнил его потому, что тот однажды приставал к прежнему хозяину тела. И надо сказать, прежний хозяин тоже был человеком своеобразным: даже испытывая отвращение и унижение, он терпел и мог ещё и говорить этому типу приятные слова, лишь бы выпросить у него румяна, украшения или угощения.

Да, именно румяна - прежний хозяин тела ими пользовался.

Только представьте, какие смешанные чувства испытал Лю Гую, когда нашёл в комнате две наполовину израсходованные коробочки ярко-красных румян.

К счастью, тот всё же не был совсем глуп: он никогда не давал другим заметить своё общение с Эр Гоцзы и не позволял ему перейти границы. Сладкими речами он умел обводить его вокруг пальца, а тот, будучи простаком, легко на это поддавался.

Увидев его сейчас, Лю Гую невольно отгеснил Цинь Банбань себе за спину. У Эр Гоцзы была дурная репутация: он приставал не только к прежнему хозяину тела, но и к другим девушкам и молодым вдовам в деревне. Пусть до серьёзных последствий дело не доходило, но словесных домогательств было предостаточно.

Цинь Банбань, по меркам Лю Гуюя, была всего лишь тринадцатилетней девочкой, в современном мире ещё школьницей. Но в глазах деревенских она уже считалась взрослой, и в некоторых семьях в этом возрасте уже начинали подыскивать ей жениха. А в древние времена репутация девушки была делом первостепенной важности, нельзя было допустить, чтобы к ней прилипла даже тень дурной славы.

Лю Гую машинально сжал в руке серп и невольно порадовался, что взял его с собой в горы в отличие от Эр Гоцзы, который был безоружен. Тот, словно не замечая настороженности и неприязни в его взгляде, с ухмылкой подошёл ближе и, потирая руки, сказал:

— О, вы, значит, в горы гулять ходили?

Подойдя, он протянул свою чёрную от грязи ладонь и добавил:

— Лю-гэр, у нас сейчас арахис собирают. Хочешь попробовать?

Лю Гую помнил: этот подлец в этом году только женился - взял девушку из соседней деревни Сяхэ. Он говорил, что собирает арахис, но сам разгуливал здесь без дела, значит, в поле, скорее всего, сейчас трудится только его молодая жена. Лю Гуюю такие люди были противны. Он потянул Цинь Банбань за руку, собираясь уйти, но Эр Гоцзы преградил им путь, раскинув руку.

— Куда же вы? Ты ведь ещё не попробовал мой арахис.

Похоже, узнав о смерти старшего сына в семье Цинь, он осмелел, теперь уже не стеснялся останавливать людей прямо на дороге и даже попытался дотронуться до руки Лю Гуюя. Взгляд Лю Гуюя резко похолодел. Одной рукой он прикрыл Банбань, а другой, сжав серп, развернул кисть и полоснул по протянутой руке. Эр Гоцзы отпрянул, не ожидая такой резкой реакции - в его представлении они всё ещё были «в хороших отношениях». Он успел отдернуть руку, но лезвие оказалось слишком острым - на запястье всё же появилась кровавая рана.

— Ах ты дрянь! Вот как, значит сразу за серп?!

Он разразился руганью, сыпал грязными словами без остановки.

Цинь Банбань, спрятавшаяся за спиной Лю Гуюя, испуганно вздрогнула и, потянув его за рукав, тихо прошептала:

— Брат... брат Лю, пойдём домой...

Увидев, как она напугана, Лю Гуюй сжал серп крепче, указал им на Эр Гоцзы и резко сказал:

— Прочь с дороги!

Тот кипел от злости, но пришёл без оружия и всё же побаивался серпа в его руке. В итоге он только зло выпалил, стараясь сохранить видимость угрозы:

— Ты... ты ещё пожалеешь! Я к тебе вернусь!

Ну вот, снова классическая «реплика злодея».

Лю Гуюй так разозлился, что готов был ударить, но Эр Гоцзы, уходя, ещё и зловеще усмехнулся, уставился на девочку за его спиной и с мерзкой ухмылкой бросил:

— Мелкая, думаешь, твоя старшая невестка - святой? Да он мой... мы с ним давно уже любовники...

Он не успел договорить - Лю Гуюй уже вскинул серп и яростно выкрикнул:

— Уберешься ты или нет?!

Эр Гоцзы вздрогнул, втянул шею, бросил ещё пару угроз и поспешно ретировался.

Цинь Банбань надула губы и недовольно пробормотала:

— Брат Лю, он тебя ругал!

Лю Гуюй промолчал. Слова у того были слишком грязные, не стоило повторять их при девочке. Он лишь погладил её по голове и сказал:

— Ты же голодная? Пойдём домой.

Цинь Банбань всё ещё дулась, но кивнула, и её косички слегка качнулись. Они пошли обратно. По дороге больше никто им не встретился из тех, кто мог бы доставить неприятности, лишь несколько деревенских жителей, которые дружелюбно поздоровались.

У ворот они столкнулись с соседкой, Линь Силь-нян, которая вместе с дочерью как раз заходила во двор тележку с осликом. У неё было две большие собаки, чёрная и жёлтая, они радостно крутились вокруг хозяйки, виляя хвостами.

Линь Синь-нян была женщиной бойкой и деловой: прямая, острая на язык, она уже больше десяти лет торговала лепёшками на рынке и этим ремеслом вырастила своих детей. Кроме младшей дочери, у неё был ещё один ребёнок - гэр, который несколько лет назад вышел замуж в соседнюю деревню, и их семья жила в полном согласии.

Проходя мимо, они обменялись приветствиями. Помня о её доброте, Лю Гуюй с улыбкой протянул ей несколько персиков. Линь Синь-нян рассмеялась, без всяких церемоний взяла их, даже не стала мыть и сразу откусила, похвалив, какие они сладкие.

После этого Лю Гуюй с Цинь Банбань вернулись к себе. Ещё не войдя в дом, они почувствовали горький запах отвара - похоже, лекарство для Цуй Ланьфан уже поставили вариться.□□

Войдя во двор, они увидели, что лекарство варит Цинь Жунши. В одной руке он держал книгу, купленную накануне, и читал, пользуясь светом огня из очага.

Увидев брата, Цинь Банбань тут же подбежала к нему, надув щёки, и начала жаловаться:

— Брат! Мы с братом Лю сегодня встретили этого Эр Гоцзы! Он ещё и ругал брата Лю!

Лю Гуюй даже не успел её остановить - девочка тараторила без умолку, слова сыпались одно за другим, и от её обычной неторопливости не осталось и следа.

— Он такой наглый! Перегородил нам дорогу и не давал пройти! Ещё и назвал брата Лю своим... «любовником»!

Лю Гуюй: «...»

Кто-нибудь, спасите его, пожалуйста!!!

Он закрыл лицо руками, но всё равно чувствовал на себе пристальный взгляд, будто иголками в спину. Он уже не решался поднять глаза на Цинь Жунши и даже боялся представить, о чём тот сейчас думает. Он только-только начал исправлять впечатление о себе в глазах этого будущего «злодея» и вот опять! Неужели всё снова рухнет?!

Нет, только не это! Это ведь не он виноват!

С тяжёлым вздохом Лю Гуюй опустил руки, набрался смелости и, натянув неловкую улыбку, произнёс:

— Эм... Жунши, ты только послушай, я могу всё объяснить...

«О небеса, рассудите, кто прав, а кто виноват!» — мысленно взвыл он.

В этот момент в кухню вошла Цуй Ланьфан с небольшим ситом в руках - она только что сходила в огород за зелёным луком.

Цинь Банбань уже собиралась продолжить жаловаться, но на этот раз Цинь Жунши опередил её:

— Уже поздно, а пельмени ещё не лепили. Банбань, иди сначала промой пастушью сумку из корзины.

— А... ну... мы уже промыли её в ручье, — растерянно ответила девочка.

— Тогда быстрее готовь начинку. Вы что, не голодны?

— ...Ладно, — пробормотала Цинь Банбань.

Перекинувшись ещё парой фраз, они сменили тему, и девочка вскоре совсем забыла про Эр Гоцзы, начав вместе с матерью готовить начинку.

Вообще, винить Цинь Банбань было не за что. Она была простодушной, никогда не слышала таких грязных слов, как «любовник», и приняла это за обычное ругательство, вот и поспешила пожаловаться, переживая за Лю Гуюя.

Мясной фарш уже был готов, его только дополнили нарезанными овощами и зелёным луком, а приправлял всё Лю Гуюй. Цуй Ланьфан, стоя рядом, не удержалась:

— Гуюй, я раньше и не замечала, что у тебя, оказывается, золотые руки!

Пельмени ещё даже не начали лепить, а аромат начинки уже сводил с ума. Прежний хозяин тела был ленив и редко готовил, поэтому Цуй Ланьфан и не знала, насколько он умеет обращаться с кухней.

Когда начинка была готова, Лю Гуюй принялся лепить пельмени. Тесто Цуй Ланьфан раскатала заранее - ровные, белые кружки. Он работал быстро, так, что мать с дочерью вдвоём едва поспевали за ним. Вскоре порция на всех четверых была готова: воду вскипятили, пельмени опустили в кастрюлю, затем разлили по чашкам. Всего через четверть часа на столе стояли четыре большие чаши с дымящимися пельменями.

Тонкое тесто, сочная начинка, сверху - прозрачный бульон, ложка ароматного масла с острым перцем, посыпка из свежего зелёного лука и несколько ярко-зелёных листьев овощей. Аромат был просто невыносимо аппетитным.

Цинь Банбань схватила палочки и сразу отправила пельмень в рот. Обожглась, язык онемел, но она всё равно не переставала восхищённо повторять:

— Как вкусно!

Цинь Жунши внешне оставался спокойным, не выказывая никаких эмоций, но ел он ничуть не медленнее остальных. Говорят, подростки едят за двоих - как раз их с Банбань возраст. В их чашках пельменей было больше всего. Цуй Ланьфан ничего не говорила, только радостно улыбалась - на её лице невозможно было скрыть счастье. Незаметно для всех она взяла палочки и подложила Лю Гуюю в чашку ещё два пельменя. Тот это заметил, поспешно прикрыл чашку и, не успев даже прожевать, невнятно пробормотал:

— Хватит! Мама, мне уже достаточно!

В доме царил смех и тепло, вся семья наслаждалась редким моментом уюта и спокойствия.

...

Но к ночи этому спокойствию пришёл конец. Когда стало совсем тихо, и в соседних домах погас свет, а в деревне лишь изредка раздавался лай собак, у ворот дома Цинь послышался шорох.

Будто кто-то пытался перелезть внутрь.□□